

□Награда□

□Здесь сказано, что тигровый демон Великий Владыка Янь из Безмолвного Леса совершил чудовищные преступления и отравил жизни людей, из-за чего в радиусе ста ли не осталось ни травинки, а вокруг лежат горы костей□

□Прошу тех, кто стремится уничтожить демона, идти со мной рука об руку, истребить демонов и принести мир в Поднебесную. По завершении дела обещаю поднести десять лямов золота в утешение павшим душам□

Расклеенная у Западных ворот Уезда Моян листовка с объявлением о награде привлекала зевак из числа местных жителей.

В самом центре на коленях перед ней стоял молодой боец в грубой крестьянской одежде. Его покрытое дорожной пылью лицо выражало непоколебимую решимость, а во взгляде, устремленном на толпу, читалась едва сдерживаемая надежда.

Однако вокруг толпились лишь случайные прохожие, и никто не осмеливался сорвать награду.

В конце концов, большинство жителей Уезда Моян были простыми людьми, которые лишь пытались выжить, — много ли найдется тех, у кого хватит смелости и боевого мастерства, чтобы усмирять нечисть?

Стоило помнить, что демоны, обосновавшиеся за городской стеной, славились своей кровожадностью и не моргая пожирали людей, только и жжадая возможности сравнять Уезд Моян с землей и предаться грабежам.

Если бы не чиновники Уезда Моян, способные бороться с нечистью, и устрашающее Управление Искоренения Демонов при императорском дворе, этот город давно превратился бы в сущий ад на земле.

Впрочем, такой крупный региональный центр, как Уезд Моян, имел собственные способы сдерживания демонов: в окрестных разрозненных деревнях они сеяли ложь, будто демоны — это местные божества.

В обмен деревни с определенной периодичностью обязаны были приносить в жертву мальчиков и девочек, чтобы умиловить нечисть.

Кроме того, уездные стражники под предлогом подушного налога отдавали мелким бесам стариков, чьи дни были уже сочтены.

В целом поддерживался хрупкий баланс.

Однако после того загадочного случая в Деревне семьи Чэнь, когда свирепствовали злые божества, этот тонкий баланс между уездными чиновниками и демонами рухнул.

Один за другим были истреблены не только могущественные демоны, получавшие богатые жертвы, но и мелкие бесы в храмах горных божеств — от них не осталось и следа.

По своей природе демоны отличались свирепым и злобным нравом, — разве могли они стерпеть подобное оскорбление? С одной стороны, они давили на чиновников Уезда Моян, требуя выпустить ориентировочные грамоты с объявлением солидной награды за поимку убийцы.

С другой стороны, они просто распустили пасти и принялись без разбору истреблять деревни в окрестностях Уезда Моян.

Эту катастрофу впоследствии прозвали бедствием демонов.

Повсюду рыскала нечисть, и жители Уезда Моян дни напролет жили в страхе, гадая, когда же наконец явится Управление Искоренения Демонов при дворе, чтобы истребить монстров.

Но эти отрезанные от мира простолюдины не понимали, что к тому моменту Уезд Моян уже превратился в неприступную крепость, откуда воздух лишь уходил наружу, но свежий ветер не проникал внутрь.

Появление же этого молодого бойца лишь сильнее нарушило хрупкое равновесие, заставив горожан тревожиться еще больше.

Едва забрезжил рассвет, и далекое небо окрасилось в бледный жемчужный оттенок.

В такое время и в помине не было чиновников, несущих службу.

Впрочем, в уездной управе Мояна находились мелкие служащие и стражники, ответственные за хозяйственные дела и порядок, — они обратили внимание на происходящее и немедленно доложили начальству.

Большинство этих стражников были из тех, кто трепетал перед сильными и притеснял слабых. Обычного прохожего они бы с легкостью обругали на чем свет стоит, но столкнувшись с таким бойцом, могли лишь исподтишка доложить наверх.

Окружавшие площадь горожане, поглядывая на стоявшего на коленях юношу, толком ничего не понимали. Ни у кого не хватило смелости подойти и расспросить его, и, поглазев некоторое время, люди расходились.

Лишь когда солнце поднялось высоко над землей, к месту событий приблизился странный человек в плаще и бамбуковой шляпе.

Толкаясь в толпе, мужчина внимательно перечитал висевшую на городской стене листовку, шагнул ближе и заговорил:

— Позвольте спросить, то, о чем говорится в этой награде, — правда?

Стоявший на коленях молодой боец услышал это, поднял иссушенное лицо, бросил на мужчину взгляд и тихо выронил четыре слова:

— Разумеется, чистая правда.

Мужчина заметил твердость на лице юного бойца, легко усмехнулся и протянул руку, собираясь сорвать листовку.

— Тот, кто сорвет эту наградную грамоту, вручает свою жизнь волю небес, — торжественно произнес молодой боец, предостерегая незнакомца от опрометчивого поступка.

Мужчина не остановил движение и уже сорвал один уголок.

Молодой боец резким движением взмахнул рукой и полоснул мечом. Властная Ци меча не оставляла сомнений в том, что он бьет в полную силу.

Мужчина поднял правую руку и прямо встретил этот удар. Голыми руками перехватив смертоносную Ци, он в тот же миг окончательно сорвал листовку.

Увидев это, молодой боец невольно широко раскрыл глаза, а его взгляд вспыхнул диким восторгом. Он уже собирался бухнуться в ноги и поклониться незнакомцу, но тот лишь махнул рукой и небрежно бросил:

— Я сорвал эту грамоту не ради тысяч золотых, у меня лишь одно дело.

Молодой боец опешил, чувствуя себя несколько растерянным.

Мужчина ничего больше не сказал, бросил быстрый взгляд на сплотившуюся вокруг толпу и знаком показал, что лучше обсудить все в более укромном месте.

.....

Передняя улица у резиденции Уезда Моян.

Янь Цюмин шел следом за человеком в бамбуковой шляпе, чувствуя себя совершенно растерянным.

Отправляясь в Уезд Моян с объявлением о награде, он в душе уже был готов вернуться ни с чем, но никак не ожидал, что здесь и впрямь найдется мастер, готовый принять вызов.

Будучи бродячим практиком, Янь Цюмин после постижения воинского мастерства собирался вернуться домой навестить родных, но по дороге услышал весть о том, что возле Уезда Моян разразилось бедствие демонов.

Он поспешил домой, однако было слишком поздно.

Все несколько сотен жителей деревни стали пищей для нечисти. Проведя тщательное расследование, Янь Цюмин вышел на логово чудовищ.

Оно находилось в проклятом месте к юго-западу от Уезда Моян — в Безмолвном Лесу.

Когда Янь Цюмин, охваченный жадой мести, попытался свести счеты с врагом, он оказался не по зубам тигровому демону, именующему себя Великим Владыкой Янь, — даже несмотря на то, что у зверя была покалечена одна лапа.

Сам же он едва не угодил в пасть к тигру.

Лишь благодаря тому, что отчаянный боевой стиль Янь Цюмина, готового биться насмерть, напугал Великого Владыку Янь, юноше чудом удалось вырваться живым.

Но сейчас Янь Цюмин просто не знал, что и сказать.

Мужчина в бамбуковой шляпе, стоявший перед ним, не испускал ни малейших признаков истинной Ци и был лишен той внутренней сдержанности, что присуща мастерам боевых искусств, — скорее, он походил на самого обычного человека.

Самого заурядного обывателя...

— Ну как, текстура и цвет этой ткани вполне сойдут? — мужчина обернулся с вопросительным взглядом.

Янь Цюмин молча кивнул, приоткрыв рот, будто собираясь что-то сказать.

— Плати давай, чего застыл. А потом еще заглянем в лавку румян напротив, эх, — распорядился мужчина и зашагал через дорогу.

Он что, держит меня за менялу? Причем из тех, кто берет всё даром?

Янь Цюмин кипел от гнева, но при мысли о жуткой силе этого человека, голыми руками поймавшего клинок, подавил зарождавшееся раздражение.

К исходу дня, когда сумерки начали сгущаться.

Мужчина в бамбуковой шляпе вывел Янь Цюмина из города, нашел заброшенную поминальную часовню, зажег свечи и уселся внутри.

В помещении веяло могильным холодом, впрочем, Янь Цюмин не испытывал страха. Однако, заметив, что его спутник направляется к одному из гробов, скидывает крышку и забирается внутрь, ложась во весь рост, юноша мгновенно запаниковал.

Мудрый не говорит о странностях, силе, хаосе и духах...

Янь Цюмин судорожно прижал руку к груди, как вдруг снаружи в часовню вошел человек, державший в руке ярко пылающую свечу.

Янь Цюмин не удержался и испуганно завопил:

— Ты человек или призрак?

Вошедший с улыбкой шагнул ближе, освещая путь свечой, и явил взору безобидное смазливое личико.

— Узнаешь меня?

Глядя на это знакомое лицо, Янь Цюмин тут же вспомнил ту самую ориентировочную грамоту, которую тот сорвал со стены у Западных ворот.

<http://bllate.org/book/22045/2292501>